

В диссертационный совет МГУ.051.1 (МГУ.12.03)
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова
по адресу: г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус,
Юридический факультет

ОТЗЫВ

**официального оппонента Санниковой Ларисы Владимировны на
диссертацию Башкатова Максима Леонидовича на тему: «Эволюция
цивилистического понятия денег в современном праве» на соискание
ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.3. – Частно-правовые
(цивилистические) науки**

Актуальность темы диссертационного исследования М.Л. Башкатова обусловлена активным внедрением цифровых технологий в финансовую сферу и появлением новых платежных инструментов. Цивилистическая доктрина призвана осмыслить эти новые правовые явления для адекватного их закрепления в законодательстве. В связи с этим обращение диссертанта к исследованию цивилистического понятия денег представляется вполне обоснованным.

Научная новизна исследования заключается в выявлении соотношения правовых конструкций денег и криптовалюты на основе критического анализа цивилистических теорий правового режима денег как объекта имущественного (гражданско-правового) оборота (с. 9 диссертации). Научные положения, выносимые на защиту, также обладают элементами новизны. В частности, диссертант впервые выявил, что подходы различных правопорядков к нормативному понятию денег predetermined

общественной теорией денег Ф. К. фон Савиньи или государственной теорией денег Г. Хартманна (положение №1, выносимое на защиту). Интерес представляют и выводы диссертанта о сущности принципа номинализма, которые содержатся в положениях №4 и №5, выносимых на защиту.

Структура работы представляется вполне логичной, отвечающей поставленной цели и задачам диссертационного исследования. Первая глава диссертации посвящена концепции денег в цивилистической доктрине. Диссертантом подробно проанализированы основные теории денег и денежных обязательств в доктрине гражданского права. Основное внимание в исследовании уделено общественной теорией денег Ф. К. фон Савиньи и государственной теорией денег Г. Хартманна.

Заслуживает внимания исследование автора юридических свойств денег. На с. 46 диссертации подчеркивается, что в зарубежных правовых системах основным «критерием денег выступает конструкция законного средства платежа, являющегося деньгами в юридическом смысле». Исследуя российский правовой порядок, диссертант сосредоточился на дискуссии о правовой природе безналичных денег. При этом, им не рассматривался вопрос об оспаривании в российской цивилистической доктрине понимания денег как законного средства платежа. Рассмотрен в диссертации и вопрос о понятии денежного суррогата, что вполне обоснованно в виду отсутствия его легального определения.

Исследуя деньги как законное средство платежа, диссертант раскрыл и подобно проанализировал принцип номинализма и особенности его реализации в различных правовых системах. Могут быть поддержаны выводы автора, сформулированные на стр. 74-75 диссертации.

В целом, основным достоинством первой главы является качественный обзор цивилистической литературы, преимущественно зарубежной, раскрывающей различные подходы к характеристике денег как объекта гражданских прав.

Во второй главе диссертантом рассматривается категория «криптовалюты» с точки зрения действующего российского законодательства, теории денег и соотношения с иными объектами гражданских прав. Представляется справедливой критика диссертантом попыток законодательного закрепления понятия рассматриваемого правового явления, а также формулировок действующего законодательства о цифровой валюте и цифровых финансовых активах.

На основе сравнения криптовалют с деньгами, в том числе, с электронными денежными средствами, и с денежными суррогатами, сделан вывод о том, что их нельзя отнести ни к одной из этих категорий. Автор особо подчеркивает невозможность квалификации криптовалют в качестве денег с юридической точки зрения. Такая позиция представляется убедительной только для российского правопорядка, так как ряд стран на законодательном уровне допустили использование криптоактивов как платежного средства (например, Япония, а в 2024г. и страны ЕС), а Сальвадор признал биткоин законным средством платежа наряду с национальной валютой.

При рассмотрении вопроса о соотношении криптовалюты и цифрового рубля, диссертант приходит к выводу о том, что распространение на отношения, связанные с оборотом цифровых рублей, положений о договоре банковского счета противоречит сущности данных отношений.

Можно согласиться с выводом диссертанта, что криптовалюты представляют собой особый объект гражданских прав (положение № 6, выносимое на защиту). Однако такая трактовка правовой сущности криптовалют, как и критикуемое автором отнесение криптовалют к категории «иное имущество», не позволяет прояснить особенности правового режима данного объекта гражданских прав. Диссертант обосновывает целесообразность такого подхода возможностью применения по аналогии некоторых норм о денежных обязательствах, но это прямо противоречит его позиции о ничтожности сделок с криптовалютами (стр. 86 диссертации).

В качестве замечаний, требующих пояснений на защите, можно выделить следующие:

1) Не обладает научной новизной положение №2, выносимое на защиту, так как характеристика денег как законного платежного средства прямо вытекает из буквального толкования ст. 140 ГК РФ. В российской цивилистической доктрине такое понимание денег никогда не подвергалось сомнению.

2) Определение денежного суррогата, сформулированное в положении №3, выносимом на защиту, не выдерживает критики с точки зрения используемой терминологии. Диссертант использует термин «государственные деньги», не поясняя его. Если под государственными деньгами понимается законное платежное средство, то выпуск их частным лицом не может квалифицироваться иначе как фальшивомонетничество. Предложенное автором расширительное толкование денежного суррогата, включающее «любые объекты, претендующие на статус обладания юридическим свойством денег, каковым стоит считать оборот по предписанной, а не договорной стоимости», создает неоправданные риски для развития платежных инструментов из-за отсутствия четких критериев их отнесения к денежным суррогатам.

3) Сомнения вызывает формулировка цели исследования, состоящая «в формировании научно обоснованной, непротиворечивой теории денег в отечественном гражданском праве, которая объясняет место криптовалют среди объектов гражданских прав и решает вопрос о возможности их отнесения к разновидностям денег в юридическом смысле» (стр. 7 диссертации). Представляется, что данная цель не вполне соотносится с темой диссертации и не раскрывает эволюцию цивилистического понятия денег. Отказ цивилистической доктрины от рассмотрения криптовалюты в качестве денег закономерно приводит к выводу о том, что никакой эволюции цивилистического понятия денег под влиянием внедрения цифровых технологий не происходит. Более логично в рамках данной темы было бы

исследование не криптовалют, а цифровых валют центральных банков и токенизированных безналичных денежных средств. Несмотря на то, что диссертант обращается к законодательству о цифровом рубле, детальный анализ как самой категории цифровая валюта центральных банков, так и цифрового рубля, в диссертации отсутствует.

4) Нарекания вызывает употребление в диссертации термина «криптовалюта». Данный термин использовался в самом начале развития криптоиндустрии и носит скорее технический характер. По мере становления крипторынка и появления все новых видов активов, термин «криптовалюта» стал слишком общим, не отражающим специфику отдельных видов платежных инструментов, создаваемых в распределенных реестрах. Он не используется и в законодательстве, как в российском, так и в зарубежном. С точки зрения российского права более уместен термин «цифровые валюты», хотя его легальное определение сформулировано крайне узко.

При этом диссертант не дает четкого определения используемого им термина. Так, на стр. 79 диссертации приводятся пояснения, которые только усугубляют неопределенность: «В широком же смысле криптовалюта является токеном, но не каждый токен является криптовалютой, при этом криптовалюта может использоваться не только как средство расчетов, а токены, наоборот, как средство расчетов».

Недостаток такого подхода заключается и в том, что диссертант при определении правовой природы криптовалют, по сути, игнорирует специфику различных ее видов (стейблкоинов, децентрализованных финансов, централизованных необеспеченных криптоактивов). Директива ЕС о регулировании рынка криптоактивов (MiCa) наглядно продемонстрировала тенденцию к созданию специальных правовых режимов для различных видов криптоактивов.

5) Недостаточно тщательно диссертантом проанализирована научная литература по вопросам правового регулирования криптоактивов. Зарубежные исследования представлены фрагментарно. Автор ссылается

преимущественно на работы немецких и французских исследователей. Однако эти страны не являются лидерами в регулировании криптоиндустрии, поэтому обращения к их опыту вряд ли релевантно. Кроме того, подавляющее большинство работ опубликовано не ранее 2017-2018г., а поэтому существенно устарели из-за стремительного развития как законодательства, так и правоприменительной практики.

Анализ российской литературы, по существу, ограничивается статьями нескольких авторов (Л.А. Новоселовой, А.И. Савельева, А.Ю. Толкачева, М.Б. Жужжалова, Д.В. Федорова), опубликованных также преимущественно в 2017-2018гг. Более поздние работы, в том числе и монографического уровня, лишь упоминаются в диссертации без содержательного обзора.

Нельзя не отметить, что диссертант позволяет себе в ряде случаев недопустимые с точки зрения научной этики оценки работы своих коллег: «отечественные юристы буквально погрязли в объяснении используемой терминологии, описании функционирования технологий и приведении различных классификаций токенов»; «Наличие такого массива взглядов, уточнений и аргументов побудило некоторых юристов реферативно аккумулировать их вместе с приведенными аргументами в более или менее исторической последовательности, и в погоне за тем, чтобы стать частью дискуссии, присоединиться к представляющейся более обоснованной теории» (стр. 78-79 диссертации).

Отказ от содержательной дискуссии проявился и в критике диссертантом вывода, содержащегося в монографии Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой: «сомнительным выглядит тезис о том, что криптовалюты и ценные бумаги сходны по своим свойствам и способны «менять окрас» в зависимости от запросов оборота» (стр. 142 диссертации). Прежде всего, в указанной монографии не проводилось сравнение криптовалюты с традиционными ценными бумагами. Речь шла о свойстве криптоактивов, которое проявляется в способности одного вида криптоактивов при определенных обстоятельствах выполнять функцию другого вида. Например,

инвестиционные (security) токены могут использоваться для осуществления платежей, и наоборот. Данный вывод, в частности, находит подтверждение в позициях Комиссии по ценным бумагам США (SEC). Так, SEC признало криптовалюту Gram Павла Дурова инвестиционными (security) токенами и запретило ее выпуск без соблюдения законодательства о ценных бумагах. Кроме того, представители SEC неоднократно заявляли о необходимости признания всех криптоактивов ценными бумагами и распространения на них соответствующего законодательства. Диссертант и сам указывает на то, что «обладатели криптовалют рассматривают их скорее в качестве спекулятивного инструмента для инвестиций, а не для целей использования в качестве платежного средства» (стр. 102 диссертации). Данный частный пример демонстрирует наличие существенных пробелов в исследовании, а также поверхностность проведенного в главе 2 диссертации обзора российской юридической литературы, впрочем, как и зарубежной.

б) Представляется, что рассмотрение вопроса о том, выполняет ли криптовалюта экономические функции денег (стр. 101 диссертации), выходит за рамки настоящего исследования. Данное замечание не носит исключительно формальный характер из-за несоответствия поставленного вопроса шифру специальности диссертации. В работе фактически отсутствует исследование данного вопроса. Вместо него диссертант лишь перечислил аргументы, содержащиеся в работах других авторов. Тем не менее, это не помешало ему сделать безапелляционный вывод: «проведенный анализ доказал невозможность квалифицировать криптовалюты в качестве денег с точки зрения выполняемых ими функций» (стр. 104 диссертации).

По сути, диссертант отрицает тот факт, что во многих странах биткоин легально используется в качестве средства платежа, а в некоторых странах признан законным средством платежа. Более того, он приводит в качестве аргумента работу 2014 г.: «в литературе утверждается, что на сегодняшний момент ни один из правовых порядков не признал криптовалюту законным

платежным средством и ни разу не принял ее в качестве оплаты» (стр. 93 диссертации).

7) Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что в законодательстве о цифровых финансовых активах содержится запрет на обращение криптовалюты. Как справедливо отмечает диссертант, под цифровой валютой понимается исключительно выпущенная на базе российской инфраструктуры цифровая валюта. Вопрос о цифровой валюте, выпущенной на базе иностранной инфраструктуры, в законе не решен. Поэтому нет и оснований для вывода диссертанта о том, что регулирование иностранной криптовалюты специально выведено из сферы действия ФЗ «О цифровых финансовых активах ...» **в целях запрета**. Данный вывод не соответствует ни буквальному толкованию закона, ни сложившейся практике, особенно в условиях санкционного режима.

8) Вызывает удивление, что при исследовании вопроса о правовой природе криптовалюты диссертант не рассмотрел соотношение криптовалюты и цифровых прав. Представляется недостаточным цитирование позиции Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ вместо собственных аргументов. Тем более, что довод Совета об том, что «обладателю криптовалюты должно принадлежать абсолютное право на криптовалюту» является спорным, так как между обладателями таких видов криптовалют как стейблкоины и централизованные необеспеченные криптоактивы и их эмитентами возникают относительные правоотношения.

9) Существенным недостатком работы следует признать отсутствие в ней детального анализа правовой сущности цифровых валют центральных банков. Более того, сравнение цифровой валюты центральных банков (диссертант называет ее, почему-то, криптовалютой центральных банков на стр. 98) с криптовалютой давно утратило свою актуальность в силу очевидных различий между ними. Следует признать, что диссертант неоднократно обращается к теме цифрового рубля, однако полноценного исследования

данной категории в диссертации не содержится, поэтому и критика представляется недостаточно аргументированной.

Так, в положении № 8, выносимом на защиту, диссертант возражает против трактовки цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств «из-за разной природы обязанностей кредитной организации перед владельцем банковского счета и оператора платформы цифрового рубля перед пользователем цифрового рубля соответственно». При этом «разность природы», по мнению автора, заключается в том, что «цивилистическая догматика безналичных расчетов имеет в основе денежное требование клиента банка к кредитной организации, что как раз и отличает классическую криптовалюту и криптовалюту центральных банков от безналичных денег». Данный довод представляется необоснованным по нескольким основаниям. Во-первых, недопустимым представляется само отождествление криптовалюты и цифровой валюты центральных банков, как принципиально разных экономических и правовых категорий. Во-вторых, согласно законодательству между оператором платформы цифрового рубля и ее пользователем заключается договор, поэтому в основе расчетов с использованием цифрового рубля также лежит денежное обязательство пользователя платформы цифрового рубля к ее оператору – Банку России.

10) В целом, трудно признать вторую главу диссертации, посвященную криптовалютам, достаточно актуальной. Большинство описываемых дискуссий, в том числе, например, о вещной природе криптовалюты, представляют интерес скорее с точки зрения истории становления правовых представлений о криптоактивах. Отказ от анализа новейшего зарубежного законодательства (в частности, Директивы MiCa), англоязычной и русскоязычной юридической литературы последних 2-3 лет, не позволили автору сформулировать собственные оригинальные концептуальные положения о правовой природе криптовалют, которые были бы востребованы доктриной и практикой. Об этом свидетельствует, в том числе, и отсутствие в заключении четко сформулированных научных

результатов по итогам проведенного исследования. Вместо них представлены пространные рассуждения довольно спорного характера.

В частности, автор утверждает, что попытки номинировать криптовалюты в качестве новой юридической формы денег не увенчались успехом «в том смысле, что гражданское право не смогло выработать однозначного ответа на вопрос о том, можно ли применить к криптовалюте традиционные положения о деньгах» (стр. 150 диссертации). Видимо имеется в виду, что доктрина гражданского права не выработала такого однозначного ответа. Но неспособность доктрины дать адекватный ответ на современные вызовы приводит к произволу законодателя и принятия им некомпетентных решений, что наиболее ярко демонстрирует опыт российского законодателя в области регулирования криптоактивов.

Поэтому и другой вывод диссертанта о том, что «анализ криптовалюты как явления права со стороны многих авторов априори выступает неблагоприятным занятием», представляется крайне негативным с точки зрения эволюции цивилистической концепции денег. Наоборот, цивилистам нужно более активно и содержательно участвовать в дискуссии о правовом регулировании новых платежных инструментов, так как именно гражданское право доказало на протяжении веков свою способность создавать юридические конструкции, обеспечивающие справедливую защиту прав всех участников имущественного оборота.

На основании изложенного можно сделать вывод, что диссертация М.Л. Башкатова на тему: «Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве», отвечает основным требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации в целом соответствует паспорту специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным в пунктах 2.1 – 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель М.Л. Башкатов заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент

доктор юридических наук, профессор, профессор РАН,
руководитель Центра правовых исследований
цифровых технологий,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

Санникова Лариса Владимировна

25.09.2023г.

Подпись Л.В. Санниковой удостоверено.

Начальник департамента
по работе с персоналом

Корастин

Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Москва, Мароновский пер., 26
+7 (499) 238-23-50
lsannikova@gaugn.ru;